

Пристыжающие правовые санкции в контексте психологии стыда¹

Аннотация. Предметом исследования является практика использования чувства стыда в процессе наложения санкций за правонарушения. Она состоит в организации специальных пристыжающих процедур, выступающих в качестве самостоятельного наказания или дополнения к основному наказанию. Среди стран с правовой культурой современного западного типа эта практика получила наибольшее распространение в США. Актуальность обсуждения пристыжающих правовых санкций связана с недостатками основной формы наказания, используемой в правовых системах современности, — лишения свободы. В философии права и социальной этике статус пристыжающих правовых санкций породил широкую дискуссию. В данной статье проанализирован лишь один аргумент, используемый в ней. Противники пристыжающих правовых санкций отталкиваются от особенностей стыда как моральной эмоции. В рамках критики этой моральной эмоции, основанной на результатах исследований Дж. Тэнгни, стыд выступает как депрессогенное, блокирующее эмпатию и провоцирующее агрессивность переживание. Соответственно, его использование в пенитенциарной системе может вести исключительно к негативным последствиям. Однако многие из положений психологической критики стыда не подтверждаются более современными исследованиями. В настоящий момент развернулась частичная реабилитация этой эмоции. Отсюда следует важный вывод в отношении пристыжающих правовых санкций. Социально-этическая обоснованность их использования не может опираться на противоречивые данные общей психологии стыда. Для определения оправданности или неоправданности этих санкций необходимы специальные социологические и психологические исследования воздействия пристыжающих процедур на дальнейшее поведение нарушителей закона и свидетелей пристыжения, а также на психологический климат в сообществе.

Ключевые слова: мораль, социальная этика, психология морали, наказание, альтернативы лишения свободы, пристыжающие правовые санкции, стыд, вина, психологическая критика стыда.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.93.8.027-034

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-50063 ОГН.

© Прокофьев А. В., 2018

* Прокофьев Андрей Вячеславович, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого
avprok2006@mail.ru
109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ПРОБЛЕМА ПРИСТЫЖАЮЩИХ ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ

Когда заходит речь об использовании чувства стыда в процессе наложения санкций за правонарушения, у современного человека западной культуры возникают не самые позитивные исторические ассоциации. В первую очередь мы вспоминаем в этой связи о позорном столбе, публичных церемониях покаяния, клеймении преступников. Все это привычные атрибуты пенитенциарной практики Средних веков и раннего Нового времени. И они воспринимаются нами как бесспорный юридический и нравственный анахронизм. Другая серия ассоциаций относится к более близкому нам периоду и связана с практикой тоталитарных государств или государств, которые либо опираются на сохранившиеся архаические, досовременные правовые традиции, либо активно возрождают их. Негативный характер таких ассоциаций также очевиден.

В этой связи складывается впечатление, что любые формы институционализации стыда, выступающего в качестве санкции за правонарушение, являются заведомо несовместимыми с преобладающими в нашей культуре моральными убеждениями. Однако это не совсем так. Во всяком случае, в одной стране западного культурного ареала использование стыда в практике наказания недавно пережило период возрождения. Это Соединенные Штаты Америки. Именно там суды, имеющие значительную свободу в вопросе выбора санкций, стали активно назначать наказания, связанные с пристыжением.

Вот некоторые примеры таких наказаний:

- а) осужденный в течение определенного времени в публичном месте носит на себе специальное объявление, описывающее характер совершенного преступления;
- б) осужденный носит на одежде известные всем знаки, указывающие на преступление определенного типа;
- в) на автомобилях водителей, уличенных в вождении в нетрезвом виде, устанавливаются специальные таблички;
- г) осужденный произносит в публичном месте утвержденную судом покаянную речь;
- д) имена клиентов, пользующихся услугами проститутки, оглашаются на местных телеканалах;
- е) эти люди принудительно посещают специальные семинары, на которых узнают о воздействии проституции на вовлеченных в нее женщин;
- ж) владельцы недвижимости в городских трущобах, которые сдают комнаты, не отвечающие гигиеническим требованиям, подвергаются домашнему аресту именно в этих комнатах;
- з) посетители баров, которые справляют естественные надобности рядом с заведениями, моют мостовые в заранее известное публичное время.

Я сознательно опускаю использование стыда в восстанавливающем правосудии, которое замещает собой наказание, чтобы не усложнять практический контекст моего рассуждения.

Упомянутый мной факт возрождения «пристыжающих» (можно было бы использовать также понятия «устыжающие» или «стыдящие») наказаний в стране, имеющей развитую правовую культуру современного типа, ставит вопрос, который имеет значение не только для Соединенных Штатов. Действительно ли использование процедур и церемоний пристыжения представляет собой явление, безвозвратно ушедшее в прошлое в связи со своей морально-правовой неприемлемостью? Юристов при решении этого вопроса по преимуществу интересует соответствие пристыжающих санкций общим основаниям назначения наказаний в конкретных правовых системах. Этиков волнует моральная сторона вопроса: не является ли такое обращение с правонарушителем недопустимым в свете фундаментальных моральных требований и соответствует ли оно общественному благу? Однако этический и правовой дискурс по вопросу о пристыжающих наказаниях не изолированы друг от друга. Они существенным образом пересекаются, и это происходит благодаря тому, что центральная уголовно-правовая санкция современности — лишение свободы — вызывает большое количество претензий. В рамках абстрактной теоретической схемы лишение свободы получает

довольно внятное обоснование, но если взять за точку отсчета реалии институтов лишения свободы, то соответствие этой санкции основным целям наказания оказывается под большим вопросом. Тема альтернативной системы реагирования общества на уголовные правонарушения волнует в равной мере этиков и правоведов. И именно в этом контексте обсуждение пристыжающих наказаний отделяется от ностальгирующего традиционализма и встраивается в поиск контуров более эффективной и более гуманной пенитенциарной системы.

Картина дискуссии о пенитенциарном использовании стыда является довольно сложной и пестрой. Если попытаться очень бегло, не претендуя на полноту и вынесение собственных оценок, представить контуры этого дискуссионного пространства, то можно сказать, что позиция противников возрождения пристыжающих правовых санкций основывается на четырех аргументах. Первым и центральным является аргумент об унижающем характере пристыжения или его несовместимости с уважением к достоинству нарушителя. Этот аргумент выражается по-разному: 1) через мысль о тождестве пристыжения и символического уничтожения личности нарушителя; 2) через утверждение об использовании личности нарушителя в качестве простого инструмента правовой системы; 3) через тезис о неизбежном отрицании равенства между пристыжаемым нарушителем и представителями пристыжающей аудитории².

Второй аргумент носит сугубо процедурный характер и касается той роли, которую играет аудитория в ходе ритуала пристыжения. Она оказывается не просто исполнителем наказания, а, по сути, самостоятельным судьей, поскольку именно мера ее возмущения и ее действия в конкретной ситуации определяет интенсивность стыда преступника. Такое состояние дел

может восприниматься как заведомо несправедливое³.

Третий аргумент отталкивается от реалий современного посттрадиционного общества, в котором связи между индивидами не настолько тесны, чтобы пристыжение имело сколько-нибудь значительный эффект⁴.

Наконец, четвертый аргумент сконцентрирован на психологических последствиях пристыжения, которые, по мнению критиков этого вида наказания, редко ведут к тому, что нарушитель начинает сам регулировать свое поведение.

Сторонники рассматриваемой практики считают, что ее бессмысленно обсуждать абстрактно и безотносительно. Только сравнение с лишением свободы может определить моральную допустимость и социальную эффективность пристыжающих наказаний. Лишение же свободы (в том виде, в каком его смогли реализовать современные либерально-демократические общества) является не менее унижающим и не в меньшей степени покушается на достоинство нарушителя. Одновременно институты лишения свободы очень дороги и способствуют поддержанию криминальной субкультуры. А если сравнить между собой доступные сегодня альтернативы лишения свободы, то пристыжение имеет значительные преимущества. В отличие от штрафа или общественных работ, оно отчетливо выражает осуждение преступления. Аргумент о несправедливости неуправляемых форм наказания рассматривается сторонниками пристыжающих санкций как малозначительный. Аргумент об индивидуализированном состоянии современного общества, по их мнению, упускает процесс формирования новых, не территориальных сообществ, среди которых решающую роль играют профессиональные и сетевые. В свою очередь, негативные психологические последствия пристыжения рассматриваются

² См. подробнее: *Markel D.* Are Shaming Punishments Beautifully Retributive? Retributivism and the Implications for the Alternative Sanctions Debate // *Vanderbilt Law Review*. 2001. Vol. 54. № 6. P. 2157—2242 ; *Nussbaum M. C.* Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. Princeton, 2004. P. 230—33.

³ *Whitman J. Q.* What's Wrong with Inflicting Shame Sanctions? // *Yale Law Journal*. 1998. Vol. 107. № 4. P. 1055—1092.

⁴ См.: *Massaro T. M.* The Meanings of Shame: Implication for Legal Reform // *Philosophy Public Policy and Law*. 1997. Vol. 3. № 4. P. 693—694.

сторонниками этого вида наказания в качестве преувеличенных⁵.

СПОР О ПРИСТЫЖАЮЩИХ ПРАВОВЫХ САНКЦИЯХ И ПСИХОЛОГИЯ СТЫДА

Как следует из заглавия статьи, я хотел бы подробно проследить судьбу лишь одного, четвертого аргумента против пристыжающих наказаний — аргумента, связанного с особенностями стыда в качестве моральной эмоции. Для начала необходимо определиться с качественной спецификой стыда. Психологи и этики давно пытаются задать границы этого переживания, отличающие его от иных негативных эмоций самооценки: вины, смущения, презрения к себе и т.д. Спор о таких границах далек от своего завершения, и в нем определились две базовые позиции. В рамках одной из них стыд выступает эмоцией, возникающей в результате отклика на негативную внешнюю оценку, воображаемую или реальную, в отличие от вины, которая может быть инициирована исключительно внутренними факторами. Этот подход имеет глубокие корни в философском описании аффектов, он взят на вооружение большим количеством социологов, к нему склоняется определенная часть эмпирических психологов. В рамках другой позиции стыд отличается от вины не своей связью с реальным или воображаемым внешним оценщиком-наблюдателем, а тем, что самоосуждение, присутствующее в чувстве стыда, направлено не на действия субъекта, а на саму его личность. Прообразы этого подхода можно встретить в истории философии и психологии, однако в своей развитой форме он получил рас-

пространение только во второй половине XX в. Движение к подобной интерпретации стыда инициировали фрейдисты 1950-х гг., продолжила Х. Б. Льюис и завершила в виде итоговой концепции Дж. Тэнгни⁶. По моему мнению, эти две интерпретации фиксируют две разных стороны стыда и не должны противопоставляться друг другу. Стыд, по всей видимости, является двухфокусной эмоцией, совмещающей «овнешненный» характер негативной самооценки с ее сосредоточенностью на личности нарушителя нормы, а не на его поступке⁷.

Обе интерпретации стыда стали основой для критики этой моральной эмоции. Если понимать стыд в качестве реакции на воображаемую или реальную внешнюю оценку, под удар попадает способность этой эмоции поддерживать моральное саморегулирование. В отличие от личности, ориентированной на переживание вины, личность, ориентированная на переживание стыда, нуждается в постоянных одергиваниях со стороны сообщества. Этот вариант критики никогда не был очень жестким, поскольку в каких-то обществах стыд оказывается вполне эффективным регулятором поведения. В других он играет маргинальную, но все равно положительную роль. Конечно, стыд может вызывать нарекания с позиций высокой морали, морали автономного индивидуального самосовершенствования, но с позиций общественной морали эта эмоция при всем ее «овнешненном» характере выступает как важное подспорье сохранения социального мира и порядка.

В перспективе второй интерпретации стыда стыд выглядит гораздо более мрачным, неприглядным явлением. К середине 2000-х гг.

⁵ Самые известные сторонники пристыжающих правовых санкций Д. Кахан (позиция конца 1990-х гг.) и А. Этциони. См.: *Kahan D. M. What Do Alternative Sanctions Mean? // The University of Chicago Law Review. 1996. Vol. 63. № 2. P. 591—653 ; Etzioni A. Back to the Pillory? // The American Scholar. 1999. Vol. 68. № 3. P. 43—50.*

⁶ См.: *Piers G. Shame and Guilt: A Psychoanalytic Study // Piers G., Singer M. B. Shame and Guilt. N. Y., 1953. P. 15—55 ; Lewis H. B. Shame and Guilt in Neurosis. N. Y., 1971 ; Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. N. Y., 2002.*

⁷ Развернутое обоснование этой мысли см.: *Прокофьев А. В. Социализированная и десоциализированная концепции стыда: их специфика и возможности соединения // Философия и общество. 2017. Т. 83. № 2. С. 68—86.*

в психологии морали утвердилось мнение о том, что он представляет собой очень опасную эмоцию, требующую от общества специальных усилий по ее минимизации. На основе многочисленных исследований, центральной фигурой в которых являлась Дж. Тэнгни, был сделан вывод о том, что стыд обладает очень мощным разрушительным потенциалом как в отношении способности человека вести полную и счастливую жизнь, так и в отношении его способности к моральному саморегулированию. Конкретные претензии к стыду как моральной эмоции таковы. Стыд имеет мощнейший депрессогенный эффект, поскольку сопровождается восприятием собственной личности как ничемной и негодной. Стыд подавляет способность к эмпатическим переживаниям в отношении других людей, поскольку заставляет переживающего его человека сосредотачиваться на себе и собственном несовершенстве. Стыд блокирует возможные позитивные реакции человека на собственное нарушение моральной нормы (такие реакции, как публичное признание ответственности, извинение, компенсация пострадавшим), поскольку никакие внешние действия не снимают основное обстоятельство, породившее стыд, — низкое нравственное качество личности стыдящегося человека. Стыд провоцирует агрессивность по отношению к тем, кто пытается его вызвать или просто выступает в качестве лица, осведомленного о нарушении. Именно так работает неоднократно исследованная психологами спираль гнева и стыда⁸. Резюмируя свою позицию, Тэнгни писала: «Наши жизни как отдельных индивидов, как социальных существ, как общества в целом могут стать лучше, если мы преобразуем болезненное, травматичное чувство стыда в более адаптивное чувство вины»⁹.

Именно эта версия общепсихологической критики стыда стала инструментом противников пристыжающих правовых санкций. Каждая из упомянутых выше претензий к стыду является основанием сомнения в том, что подвергнутый пристыжающим санкциям нарушитель будет впредь воздерживаться от противоправных действий, а наблюдатель процесса пристыжения не пойдет на такие действия в будущем. Депрессия порождает моральное безразличие, которое исключает мотивированное моральными ценностями самоограничение. Подавление эмпатии резко снижает вероятность того, что в будущем мысль о потерях других людей от той или иной формы противоправного поведения заставит подвергшегося санкции человека удержаться от повторного нарушения закона. Отсутствие солидарности с другими членами общества ведет к тому, что осуждающее послание общества, содержащееся в процедуре пристыжения, вряд ли будет принято нарушителем. Блокирование раскаяния и его практических выражений снижает вероятность успешной реинтеграции нарушителя в общество. И наконец, спираль стыда и гнева разрушает возможную связь между болезненностью пристыжения и предупреждением будущих преступлений. Психологическая травма не сдерживает рецидивы, а является их мощным стимулирующим фактором. Чем более болезненным оказывается стыд, тем более интенсивным будет гнев против организовавшего процедуры пристыжения общества и против участвующих в них конкретных людей.

Подобное использование эмпирических обобщений психологической науки при обсуждении оправданности того или иного дизайна социальных институтов вполне оправданно. Те, кто осуществляют этическую экспертизу общественной практики, просто обязаны проявлять

⁸ О связи стыда и агрессивности см.: *Scheff T., Retzinger S. Emotions and Violence: Shame and Rage in Destructive Conflicts.* Lincoln, 2001 ; *Gilligan J. Shame, Guilt, and Violence // Social Research.* 2003. Vol. 70, № 4. P. 1149—1180 ; *Tangney J. P., Stuewig J. Shame and Guilt in Antisocial and Risky Behaviors // Robins R. W., Tangney J. P., Tracy J. L. (eds.) The Self-Conscious Emotions: Theory and Research.* N. Y., 2007. P. 371—388.

⁹ *Tangney J. P., Dearing R. L. Op. cit.* P. 126.

Подробную реконструкцию и развернутую оценку критической аргументации Дж. Тэнгни см. в статье: *Прокофьев А. В. Стыд без «Ока Других» (этический анализ десоциализированной концепции стыда) // Человек.* 2017. № 4. С. 38—51.

чувствительность к выводам социологов и психологов. И если бы разработанная Дж. Тэнгни систематическая критика стыда не встречала никаких эмпирических возражений, четвертый аргумент против пристыжающих санкций был бы очень весомым.

Однако в последние годы мы видим в психологии морали активное движение в сторону реабилитации стыда. Оно было инициировано И. Де Хуге, С. Бройгельмансом, М. Зиленбергом и поддержано другими исследователями. По их мнению, тот веер негативных последствий стыда, который был охарактеризован выше, присутствует лишь у индивидов, имеющих акцентированную предрасположенность к этому переживанию. У человека, не имеющего такой предрасположенности и не попадающего слишком часто в ситуации, вызывающие стыд, эта эмоция сопровождается иными эффектами. Она порождает не замыкание в себе, стремление скрыться и т.д., а стремление восстановить положительное отношение к собственной личности за счет активных просоциальных действий. Эта тенденция не является очень устойчивой и при столкновении с трудностями быстро исчезает, но она вполне реальна. Ту же самую просоциальную тенденцию порождает и так называемая социометрическая природа стыда: стыдящийся человек пытается восстановить свою репутацию в группе. При этом, если вина ведет к установлению добрых отношений лишь с пострадавшими от нарушения, то стыд имеет тот же эффект применительно к любому члену сообщества. Иными словами, стыд выступает как важная опора не прямой, опосредствован-

ной взаимности. Переживание стыда создает вероятность того, что подверженный ему человек будет воздерживаться от причинения вреда не только тем, кому он причинил вред в прошлом, но и незнакомым ему людям¹⁰.

Конечно, результаты новейших психологических исследований не дают прямого ответа на вопрос об эффективности пристыжающих правовых санкций. Но они явно препятствуют механическому переносу критики стыда, разработанной Дж. Тэнгни, в морально-правовой контекст. Это превращает четвертый аргумент против пристыжающих правовых санкций из весомого в очень спорный. Если исследования, касающиеся феномена стыда в целом, приводят к неоднозначным выводам по поводу его позитивных и негативных последствий, то эмпирической основой для принятия решения о введении в число используемых правовой системой санкций процедур пристыжения оказывается зависимым уже от психологических и социологических исследований эффективности самих таких процедур. А эти исследования, к сожалению, не проводились. Прослеживание судьбы отдельных людей, подвергавшихся пристыжающим правовым санкциям, не может заменить развернутых, репрезентативных данных. Соответственно, в отсутствие таких данных центр тяжести в спорах о пристыжающих правовых санкциях неизбежно смещается в область трех оставшихся аргументов: аргумента об их унижительном характере, аргумента о недопустимости «правосудия толпы» и аргумента об индивидуализированном характере современного общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Прокофьев А. В. Социализированная и десоциализированная концепции стыда: их специфика и возможности соединения // *Философия и общество*. — 2017. — Т. 83. — № 2. — С. 68—86.
2. Прокофьев А. В. Стыд без «Ока Других» (этический анализ десоциализированной концепции стыда) // *Человек*. — 2017. — № 4. — С. 38—51.
3. Etzioni A. Back to the Pillory? // *The American Scholar*. — 1999. — Vol. 68. — № 3. — P. 43—50.

¹⁰ Обзор исследований, сформировавших поворот в сторону реабилитации стыда, см.: Nelissen R. M. A., Breugelmanns S. M., Zeelenberg M. Reappraising the Moral Nature of Emotions in Decision Making: The Case of Shame and Guilt // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7. № 6. P. 355—365.

4. Gilligan J. Shame, Guilt, and Violence // Social Research. — 2003. — Vol. 70. — № 4. — P. 1149—1180.
5. Kahan D. M. What Do Alternative Sanctions Mean? // The University of Chicago Law Abstract. — 1996. — Vol. 63. — № 2. — P. 591—653.
6. Lewis H. B. Shame and Guilt in Neurosis. — New York : International University Press, 1971. — 525 p.
7. Markel D. Are Shaming Punishments Beautifully Retributive? Retributivism and the Implications for the Alternative Sanctions Debate // Vanderbilt Law Abstract. — 2001. — Vol. 54. — № 6. — P. 2157—2242.
8. Massaro T. M. The Meanings of Shame: Implication for Legal Reform // Philosophy, Public Policy, and Law. — 1997. — Vol. 3. — № 4. — P. 645—704.
9. Nelissen R. M. A., Breugelmans S. M., Zeelenberg M. Reappraising the Moral Nature of Emotions in Decision Making: The Case of Shame and Guilt // Social and Personality Psychology Compass. — 2013. — Vol. 7. — № 6. — P. 355—365.
10. Nussbaum M. C. Hiding from Humanity: Disgust, Shame, and the Law. — Princeton : Princeton University Press, 2004. — 413 p.
11. Piers G. Shame and Guilt: A Psychoanalytic Study // Piers G., Singer M. B. Shame and Guilt. — New York : Norton, 1953. — P. 15—55.
12. Scheff T., Retzinger S. Emotions and Violence: Shame and Rage in Destructive Conflicts. — Lincoln : iUniverse, 2001. — 238 p.
13. Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. — New York : Guilford Press, 2002. — 272 p.
14. Tangney J. P., Stuewig J. Shame and Guilt in Antisocial and Risky Behaviors // Robins R. W., Tangney J. P., Tracy J. L. (eds.) The Self-Conscious Emotions: Theory and Research. — New York : Guilford Press, 2007. — P. 371—388.
15. Whitman J. Q. What's Wrong with Inflicting Shame Sanctions? // Yale Law Journal. — 1998. — Vol. 107. — № 4. — P. 1055—1092.

Материал поступил в редакцию 27 апреля 2018 г.

SHAMING LEGAL SANCTIONS IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGY OF SHAME

PROKOFIEV Andrey Vyacheslavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher of the Ethics Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Tolstoy Tula State Pedagogical University
avprok2006@mail.ru
109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12, str. 1

Abstract. *The study is focused on the practice of resorting to a sense of shame in the process of imposing sanctions for offenses. The practice involves organization of special shaming procedures acting as an independent punishment or addition to the basic punishment. Among the countries with the legal culture of the modern Western type, this practice has become most widespread in the United States. The relevance of discussing shameful legal sanctions is associated with the shortcomings of the basic form of punishment applied in the legal systems of our time, i.e. deprivation of liberty. In the philosophy of law and social ethics, the status of shameful legal sanctions has given rise to a broad discussion. This article analyzes only one argument. The opponents of shameful legal sanctions rely on characteristics of shame as a moral emotion. Within the framework of criticism of this moral emotion based on the results of J. Tangney research, shame appears as a depressogenic experience blocking empathy and provoking aggression. Thus, its use in the penitentiary system can result in negative consequences. However, many provisions of the psychological criticism of shame are not supported by more recent studies. At the moment, this emotion has to some extent been rehabilitated. This leads to an important conclusion regarding shameful legal sanctions.*

The socio-ethical validity of their use can not be based on contradictory data of the general psychology of shame. To determine rationality or irrationality of these sanctions, special sociological and psychological studies of the influence of shaming procedures on the further behavior of law-breakers and witnesses of shaming, as well as on the psychological climate in the community, are necessary.

Keywords: *morality, social ethics, psychology of morality, punishment, alternatives to imprisonment, shaming legal sanctions, shame, fault, psychological criticism of shame.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Prokof'ev A. V. Sotsializirovannaya i desotsializirovannaya kontseptsii styda: ikh spetsifika i vozmozhnosti soedineniya // Filosofiya i obshchestvo. — 2017. — T. 83. — № 2. — S. 68—86.*
2. *Prokof'ev A. V. Styd bez «Oka Drugikh» (eticheskiy analiz desotsializirovannoy kontseptsii styda) // Chelovek. — 2017. — № 4. — S. 38—51.*